

Эдит Хейбер

.

Смеющаяся вопреки

Жизнь и творчество
Тэффи

С о в р е м е н н а я з а п а д н а я р у с и с т и к а

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Эдит Хейбер

**Смеющаяся вопреки.
Жизнь и творчество Тэффи**

«Библиороссика»

2019

УДК 82.01/.09
ББК 83.3(2)6

Хейбер Э.

Смеющаяся вопреки. Жизнь и творчество Тэффи / Э. Хейбер —
«Библиороссика», 2019 — («Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6046148-6-0

В своем исследовании Эдит Хейбер, опираясь на письма, архивные материалы, воспоминания современников и литературные произведения, воссоздает биографию Тэффи, раскрывая при этом механизмы русской литературной жизни на родине и в эмиграции и помещая ее в контекст бурной истории тех времен. Перед читателем развернется панорама блистательной артистической среды Серебряного века и эмигрантского Парижа. Рассчитана на широкий круг читателей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.01/.09
ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-6046148-6-0

© Хейбер Э., 2019
© Библиороссика, 2019

Содержание

Вступительное примечание	6
Предисловие	7
Введение	9
1. «Компания интересная»: Семья и первые годы жизни	12
2. Начало литературной деятельности (1898–1908)	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эдит Хейбер

Смеющаяся вопреки: Жизнь и творчество Тэффи

© Edythe Haber, text, 2019

© I. B. Tauris & Co. Ltd, 2019

© И. И. Бурова, перевод с английского, 2021

© Academic Studies Press, 2021

© Оформление и макет, ООО «Библиороссика», 2021

*Памяти профессора Всеволода Михайловича
Сечкарева (1914–1998), пионера исследований
литературы русской эмиграции, приобщившего
меня к радостям, которые может подарить Тэффи*

*Если бы нам пришлось определить жанр жизни изгнанного
писателя – это была бы, несомненно, трагикомедия.*

Иосиф Бродский. Состояние, которое мы называем изгнанием

Жить в анекдоте ведь не весело, скорее трагично.
Тэффи. Воспоминания

Вступительное примечание

Дореволюционная Россия жила по юлианскому календарю, на 13 дней отстающему от григорианского, введенного в феврале 1918 года. Я указываю даты по тому календарю, который использовался в описываемые времена. Тэффи редко датировала свои письма. Таким образом, датировки и хронология часто оказываются приблизительными и основаны на более широком контексте жизни Тэффи и эпохи.

Все сокращения, используемые в тексте, приводятся в разделе Библиография.

Предисловие

Я многие годы занимаюсь изучением жизни и творчества Тэффи и обязана многим людям. Прежде всего мне хотелось бы выразить благодарность профессору Всеволоду Михайловичу Сечкареву, моему научному консультанту по докторской диссертации (Гарвард, 1971), который приобщил меня к Тэффи и тогда еще не привлекавшей внимания исследователей литературе русской эмиграции. Я также в долгу у моего второго читателя, навсегда ставшего для меня образцом для подражания профессора Дональда Фэнгера, чья высокая требовательность во многом способствовала улучшению стиля и читабельности моей диссертации.

Благодарю Массачусетский университет (Бостон), предоставивший мне грант на поездку, когда после очень долгого перерыва я вернулась к Тэффи. Трудно подобрать слова, чтобы выразить мою признательность Дэвис-центру российских и евроазиатских исследований Гарвардского университета, многие годы предоставлявшему мне доступ к важнейшим научным ресурсам и возможность общения с его вдохновляющим сообществом специалистов в разных областях. Особую пользу мне принесло участие в Группе литературных исследований, возглавляемой Соней Кетчан, и Рабочей группе по изучению гендера, социализма и постсоциализма, которой руководит Рошель Рутчайлд. Я также благодарна Хью Траслоу, библиотекарю Библиотеки им. Фанга Дэвис-центра, всегда помогавшему мне в разгадывании библиографических ребусов.

Необычайно полезным для меня оказалось и участие в работе Иллинойской летней исследовательской лаборатории по изучению России и Восточной Европы Иллинойского университета в Урбане-Шампейне. Благодарю Роберта Бургера, Джулию Граучмен и Хелен Салливан.

Вероятно, самую большую пользу от возвращения к Тэффи я получила благодаря установлению связей с международным сообществом ученых, работающих над сходными проблемами. Я в особенности признательна Ричарду Дэвису (Русский архив в Лидсе, Библиотека Бразертон, Университет Лидса), чья скрупулезность, строгость и научная добросовестность в период нашего сотрудничества послужили для меня недостижимым образцом, которому я могу лишь стремиться подражать. Он продолжает оказывать мне всестороннюю поддержку и в больших, и в малых делах. Одним из таких больших дел стала состоявшаяся благодаря ему встреча с Наталией Борисовной Соллогуб (1912–2008), дочерью Бориса и Веры Зайцевых, которая любезно поделилась со мной своими детскими воспоминаниями о Тэффи.

Особой благодарности заслуживает и московская исследовательница Тамара Александрова, которая великодушно ознакомила меня со своими обширными изысканиями, посвященными семье Тэффи и ее детству. Также важную роль в реализации моего проекта сыграли сотрудничество и общение с другими учеными: Эльдой Гаретто (Университет Милана); Л. А. Спиридоновой, Д. Д. Николаевым, Еленой Трубиловой и Олегом Коростелёвым (Институт мировой литературы им. Горького, Москва), а также Ольгой Фетисенко (Институт русской литературы, Санкт-Петербург).

Огромную помощь при проведении исследований мне оказывали ученые и работники архивов, в которые я обращалась: они не жалели на меня своего времени и щедро делились опытом. Выражаю особую благодарность Тане Чеботаревой из Бахметьевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Библиотеки редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк); Ричарду Дэвису; Маргарите Павловой из Института русской литературы (Санкт-Петербург); Стэнли Дж. Рабиновичу из Амхерстского центра изучения русской культуры Амхерст-колледжа (Амхерст, Массачусетс); Ирине Решетниковой из Российского государственного архива литературы и искусства (Москва). Я также глубоко признательна Дмитрию Беляеву из Архива русского зарубежья в Музее Марины Цветаевой (Москва),

Елене Обатниной из Института русской литературы (Санкт-Петербург); Сондре Тэйлор из Библиотеки Лилли Индианского университета (Блумингтон, штат Индиана). Спасибо Рональду Булатову из Архива Гуверовского института (Стэнфорд, штат Калифорния) и Джону Монахану из Библиотеки редких книг и рукописей Бейнеке Йельского университета (Нью-Хейвен, штат Коннектикут) за то, что они присылали мне важные архивные материалы, а также анонимным (или забытым) сотрудникам Литературного архива Музея чешской литературы (Прага), Библиотеки Хоутона Гарвардского университета; Библиотеки Иллинойсского университета (Урбана-Шампейн); Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург); Отдела рукописей и редких книг Санкт-Петербургской театральной библиотеки.

Я также глубоко признательна Роберту Чэндлеру, благодаря великолепным переводам которого у Тэффи появились поклонники среди англоязычных читателей: энтузиазм, с которым он поддерживал мою работу, имел множество счастливых последствий. Я высоко ценю усилия Ричарда Дэвиса и профессора Кэтрин О'Коннор (Бостонский университет), взявших на себя труд внимательно прочитать мою рукопись. Мне хотелось бы поблагодарить и Тома Стоттора, моего высококвалифицированного и влюбленного в свое дело редактора из «I. V. Tauris», за его многочисленные конструктивные предложения; менеджера проекта Алекса Биллингтона из «Tetragon Publishing» и моего замечательного, внимательного корректора Алекса Миддлтона. Если какие-то ошибки и укрылись от его орлиного взора, то ответственность за это лежит исключительно на мне.

Русское издание моей книги требует новой порции благодарностей. Выражаю свою признательность моему прекрасному переводчику Ирине Буровой, редактору Роману Рудницкому, а также Ксении Тверьянович, редактору по правам, Марии Вальдеррама, Ирине Знаешевой и всем сотрудникам издательства «Academic Studies Press».

Наконец, я благодарю моего покойного супруга Тимура Джорджадзе и моих сестер Зельду и Клару Хейбер за их неизменную поддержку и ободрение.

Введение

Приезжают наши беженцы, изможденные, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут. Тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа – душа, обращенная на восток... Умерли. Боялись смерти большевистской – и умерли смертью здесь [Тэффи 1997–2000, 3: 37] («Ностальгия»)¹.

Так писала вскоре после приезда в Париж в 1920 году Тэффи (Надежда Лохвицкая, 1872–1952). Самая выдающаяся русская писательница-юмористка своего времени (а возможно, и всех времен вообще), она присоединилась приблизительно к миллиону своих соотечественников, которые бежали из России, гонимые большевистской революцией 1917 года, и образовали так называемое русское зарубежье, столицами которого изначально были Париж и Берлин, но с далеко разбросанными в географическом плане форпостами, такими как Шанхай и Буэнос-Айрес². Рассказы Тэффи и еженедельные газетные колонки, которые она вела в возникшей по всему русскому зарубежью периодике, стали рупором этих обездоленных людей и изображали – с характерным для нее сочетанием остроумия и трогательного пафоса – бедствия, выпавшие на долю таких же беженцев, как она сама: их непреходящую тоску по утраченной родине; острые финансовые проблемы, с которыми они сталкивались; их безуспешные попытки приспособиться к чужой культуре; антагонизм и подозрительность, с которыми они столкнулись в принявших их странах, особенно в период ухудшения экономической и политической ситуации в 1930-е годы.

Сама Тэффи делила невзгоды со своими читателями-эмигрантами и служила примером их стойкости в худшие времена. История ее жизни, как и созданные ею литературные образы соотечественников, не утратили актуальности в свете неоднократно происходивших в XX–XXI веках массовых исходов населения и перемещений отдельных лиц в результате войн, революций, политических преследований, стихийных бедствий – а также в силу той враждебности, с которой беженцы столкнулись впоследствии из-за тех международных конфликтов, которые ранее превратили их в изгнанников. История русского зарубежья не утрачивает актуальности.

И при этом, вопреки всему, Тэффи так забавна. Говорят, что особенностью эмигрантской литературы является «двойное сознание» писателя, одновременно сосредоточенное на «здесь» и «там», на настоящем и утраченном прошлом [Slobin 2013: 19]. В произведениях Тэффи со всей полнотой отразилась абсурдность, присущая такой «двойной» жизни, в которой бывшие генералы работают таксистами, придворные фрейлины зарабатывают на жизнь вышивкой, а безалаберные Ольги пытаются превратиться в стильных *Mesdames d'Ivanoff*. Именно способность находить забавное в невзгодах – и тем самым облегчать тяготы жизни читателей – сделала Тэффи одной из самых любимых писательниц русской диаспоры.

Эта книга, основанная на переписке Тэффи и других архивных материалах, а также опирающаяся на ее литературное творчество и журналистскую деятельность, впервые расскажет всю историю писательницы, вписав ее в контекст того бурного времени, в котором той выпало жить. Тэффи стала чрезвычайно популярной писательницей еще в России. Она достигла такого признания, что в ее честь называли конфеты и духи, а присущие ей заразительный юмор и виртуозный стиль превратили в ее поклонников таких разных личностей, как последний царь и В. И. Ленин.

¹ Впервые опубликовано в: ПН. № 17 [16 мая 1920]. С. 2.

² Оценки числа беженцев широко расходятся. См. [Johnston 1988: 22–26]. Более свежие данные см. в [Гусефф 2014]. Здесь, как и в других местах, я использую слово «русский» в нестрогом смысле для обозначения всех бывших подданных Российской империи.

Тэффи завоевала известность прежде всего благодаря юмору, однако она творила в широком диапазоне жанров, от серьезной поэзии и прозы до пьес и даже популярных песенок. Обращаясь к ее трудам, созданным на протяжении весьма продолжительной литературной карьеры, я исхожу из того, что они обладают глубинным единством: в основе абсурда повседневной жизни, изображенного в ее комических сочинениях, лежит то же самое (пусть даже порой принимающее нелепые формы) стремление к более красивой и осмысленной версии и своего «я», и мира, которым отмечена ее поэзия.

Разнообразие дореволюционного творчества Тэффи позволило ей познакомиться с многочисленными представителями литературных и театральных кругов Петербурга, благодаря чему ее биография представляет возможность увидеть панораму жизни артистической среды того блистательного периода расцвета русской культуры, который обычно называют Серебряным веком. Несмотря на то что Тэффи, по большей части, была далека от политики, она испытала на себе те громадные потрясения, которые выпали на долю имперской России на закате ее истории: революции 1905 и 1917 годов; мировую войну; Гражданскую войну. Более того, в ее остроумных, язвительных газетных публикациях присутствуют не только яркие свидетельства этих грандиозных катаклизмов, но и беглые комментарии по поводу таких социальных проблем, как антисемитизм и преступность, которые стали бичом имперской России в последнее десятилетие ее существования.

В более тесном мире русского зарубежья Тэффи стала еще более значительной фигурой. Ее биография позволяет пролить особенно яркий свет на жизнь большой эмигрантской общины в Париже и созданную ею впечатляющую сеть культурных институтов: русскоязычных газет и журналов, для которых писала Тэффи; театров, где ставились ее пьесы; издательств, печатавших ее книги. Там без конца проводились литературные и философские беседы, лекции, концерты, благотворительные вечера, в которых принимала участие и она. В Париже она близко познакомилась с некоторыми выдающимися писателями, и изучение ее жизни позволяет воссоздать яркую картину оживленной литературной атмосферы первых дней эмиграции, а также понять те специфические трудности, с которыми сталкиваются в изгнании писатели, чьим инструментом самовыражения является их родной язык, а темы творчества зачастую неразрывно связаны с родиной. Со временем культурная жизнь русского зарубежья утратила былую активность, возникли сомнения в жизнеспособности эмигрантской литературы. Экономический и политический кризисы 1930-х годов только усугубили ситуацию, но Тэффи, несмотря на острые личные проблемы, продемонстрировала стойкость, продолжая отвлекать читателей от проблем своими юмористическими и трагикомическими историями (в которых все более преобладало трагическое начало). Кроме того, ее газетные публикации ярко свидетельствовали об ухудшении положения в стране и в мире, что в итоге привело к началу Второй мировой войны.

Война уничтожила русское зарубежье в том виде, в каком оно существовало в Европе в течение двух предыдущих десятилетий. Многие погибли, другие бежали, в основном в Америку, но Тэффи и некоторые из ее старых и больных современников остались во Франции. Несмотря на изнурительную болезнь, ограничившую ее возможности писать, в последние годы жизни она создала некоторые из своих наиболее значительных произведений, но этих последних лет у нее, как и у других представителей ее поколения, оставалось немного. Тэффи умерла в 1952 году, и к этому времени ее эпоха уже закончилась. На некоторое время имя писательницы было предано забвению, но за последние двадцать лет, минувшие с открытия в постсоветской России эмигрировавших и репрессированных писателей, она вновь обрела популярность на родине. А благодаря недавно появившимся очень хорошим переводам Тэффи пользуется

все возрастающим признанием в англоговорящем мире и в других странах, где и по сей день ее творчество остается актуальным и привлекает внимание³.

³ См., например, [Tefif 2014; Tefif 2016a; Tefif 2016b]. См. также [Tefif 2011a; Tefif 2011b].

1. «Компания интересная»: Семья и первые годы жизни

Лохвицкие

В краткой автобиографии, написанной в 1911 году, Тэффи сообщает, что унаследовала литературное дарование от прадеда, Кондратия Лохвицкого (1774–1849), «бывшего масоном во времена Александра Благословенного» (царя Александра I) и писавшего «мистические стихотворения» [Фидлер 1911: 203]⁴. Ее отец, профессор Александр Лохвицкий, как мы читаем далее, «был известным оратором и славился своим остроумием», о матери же она сообщает только то, что та «всегда любила поэзию и была хорошо знакома с русской и в особенности европейской литературой». 36 лет спустя – когда ей уже исполнилось 75 и она доживала последние годы своей долгой эмигрантской жизни во Франции – Тэффи вновь обратилась к своим предкам. «А я последняя из рода Лохвицких», – писала она литературному критику и историку Петру Бицилли (1879–1953)⁵. Это была «компания интересная», добавила она, и она хотела написать все, что ей было о Лохвицких известно, поскольку после ее смерти «никто этим не займется». Тэффи проявляла особый интерес к прадеду: как она утверждала, это был человек, «переписывавшийся с Александром I-м и предсказавший на основании сна войну 12-го года, и на основании его сна открыли в Киеве Золотые ворота». Она также упомянула и более далекого предка, прапрабабушку, «давшую пощечину Петру Великому». Тэффи обсуждала эту тему с П. М. Бицилли, поскольку разыскивала семейную хронику жившей в XIX столетии писательницы Надежды Кохановской (псевдоним Надежды Соханской, 1823–1884), с которой, как она считала, у нее были общие предки. Она надеялась, что книга найдется в собрании университетской библиотеки Бицилли в Софии (Болгария), и хотя ему действительно удалось обнаружить упомянутое ею произведение, выяснилось, что она сообщила ему неправильное название, ввиду чего оставила всю затею – и напрасно, поскольку среди предков Тэффи были весьма выдающиеся личности, представлявшие основные тенденции в русском обществе и русской культуре своего времени.

Требовавшийся Тэффи источник на самом деле назывался «Старина. Семейная память», а в силу того, что его надежность вызывала сомнения, его в лучшем случае можно было рассматривать как мифическую (или полумифическую) историю происхождения Лохвицких [Кохановская 1861]⁶. Кохановская прослеживает свои корни до середины XVI века, до князя Константина Острожского, чья вотчина, Острог, была одним из основных культурных центров Западной Украины, тогда входившей в состав Польши. У князя был любимый слуга, которого он называл *коханцем* (от *коханий* – любимый); отсюда и пошла фамилия Кохановский, а настоящая фамилия этого человека была забыта. Сестра князя (или, возможно, его дочь, как рассказывает автор) против воли семьи вышла замуж за этого бедного сироту, который вскоре погиб в сражении, оставив ее с двухлетним сыном. Далее следует повествование о скитаниях Кохановских по Украине на протяжении следующего бурного столетия. К середине XVII века Мария Кохановская, вдова, проживавшая с сыном Климентом в городке Лохвице, решила покинуть свою «несчастную родину» и переехала в казачий городок на русской стороне границы. Когда их спросили, откуда они, они ответили, что из Лохвицы, и так они стали Лохвицкими [Коханов-

⁴ Имя пишется по-разному, «Кондрат» и «Кодрат».

⁵ ТБиз. 1947. 25 июня. С. 740.

⁶ Выражаю признательность Мэри Зирин за розыск этого сочинения.

ская 1861, 3: 214]. Через много лет, в 1709 году, Климент, «стар и важен, в большом почете», принимал в своем доме Петра Великого после громкой победы, одержанной над шведами под Полтавой [Кохановская 1861, 3: 215]. Именно тогда его дочь Агрипина

...замахнулась на Петра Великого. «Как ты смеешь? Я царь!» – сказал Петр. «*А коли ты царь, то и роби по царьску* (то и ве́ди себя по-царски» (укр.). – Э. Х.)», – отвечала малороссиянка Агрипина... «Славная у тебя дочь!» – сказал Петр Клименту, уезжая. – «Сыщи ей жениха хорошего» [Кохановская 1861, 3: 217].

Внук Климента Ефим Лазаревич, должно быть, приходился современником прадеду Тэффи Кондратию Андреевичу (далее – К. А.), но, судя по отчеству последнего, тот происходил из другой ветви семьи, о которой не известно ничего конкретного. Из его дневника следует, что в детстве он был беден и зарабатывал на пропитание пением в хоре в одной из московских церквей [Лохвицкий К. 1863]. (Единственное упоминание о его семье – вскользь брошенное замечание о том, что в 1809 году он навестил мать, которую звали Евдокия [Лохвицкий К. 1863: 168, примеч. 1].) Судьба мальчика, не получившего почти никакого образования, изменилась в 1787 году, когда он поступил на службу к Харитону Чеботареву (1746–1815), одному из профессоров Московского университета и известному масону (К. А. пел на его свадьбе), нанявшему его, чтобы он преподавал пение в возглавляемом Чеботаревым «пансионе благородном»⁷.

К. А. было дозволено посещать школьные занятия, благодаря чему он, судя по всему, приобщился к идеалам масонов. По-видимому, К. А. не вступил в ложу и остался «уединенным мистиком», но его мысли, поэзия и мечты были исполнены таких масонских идеалов, как всеобщее братство, любовь и равенство (их разделяли и последующие поколения Лохвицких) [Лохвицкий К. 1863: 177]⁸. Его трогательные слова о горячей молитве старой нищенки свидетельствуют о вере в равенство: «Сие столько меня тронуло, что я заплакал и благодарил Господа, что Он меня учит чрез сию убогую, простую, нищую, как молиться Ему и как на Него надеяться» [Лохвицкий К. 1863: 201–202]. Правда, в период чиновничьего служения царю дух братской любви проявлялся в нем не всегда, во всяком случае не тогда, когда он делал якобы «неосновательные доносы» [Лохвицкий К. 1863: 170]. Тем не менее к 1808 году он достиг ранга коллежского советника – гражданского чина шестого класса, – что должно было принести ему потомственное дворянство.

В 1822 году царь Александр I, в начале 1800-х годов сам отдавший дань мистическим веяниям, был встревожен ростом массовых волнений и приказал закрыть все масонские ложи, а в последующие годы его преемник, крайне консервативный Николай I (правил с 1825 по 1855 год), пожелал заменить все подобные универсалистские идеи националистической верой в самобытность русского народа⁹. Было это совпадением или нет, но именно в 1822 году К. А. оставил чиновничью службу и, поселившись в Киеве и отдавшись своему новому увлечению, археологии, принялся изучать национальное наследие России [Серков 2001: 492]. В апреле 1832 года он объявил, что нашел то самое место, на котором воздвиг крест святой Андрей, легендарный креститель Древней Руси. Его заявление не нашло поддержки среди серьезных ученых, однако обнаруженные им позднее в том же году остатки Золотых ворот, одного из наиболее значительных памятников Киевской Руси, построенного великим князем Ярославом в 1037 году, а также проведенные в 1833 году раскопки церкви Святой Ирины, относящейся к тому же периоду, в конечном счете завоевали ему высокую репутацию среди современников [Закревский 1868: 417–418; 324–325]. В 1837 году он стал первым директором Археологи-

⁷ О Чеботареве см. [Вернадский 2001: 112, 368, примеч. 326].

⁸ Об этих принципах см. [Smith 1999: 91].

⁹ Об Александре I см. [Лохвицкий К. 1863: 165; Smith 1999: 182–183]. О Николае I см. [Ransel 1997: 159].

ческого музея при Киевском университете [Серков 2001: 492]. Тэффи выделяла К. А. среди всех своих предков, и поэтому позднейшее открытие того факта, что он все же мог и не быть ее прадедом, производит ошеломляющий эффект¹⁰. Впрочем, для нас важнее то, как Тэффи представляла себе историю своей семьи и какое придавала ей значение: какова бы ни была правда, К. А., несомненно, оказал существенное влияние и на то, как она воспринимала свое положение в обществе, и на ее литературное творчество.

О деде писательницы Владимире Лохвицком известно лишь то, что он принадлежал к купеческому сословию и имел двух сыновей, Александра (отца Тэффи, далее – А. В.), родившегося в 1830 году, и Иосифа, ставшего купцом в городе Тихвине, расположенном примерно в 180 километрах от Санкт-Петербурга¹¹. Очевидно, семья была небогатой, поскольку сказано, что образование А. В. стоило ей «многих материальных лишений», но мальчик выказал большое желание учиться и сумел поступить на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1852 году со степенью кандидата права [Матт-Жене 1884; Невядомский 1884: 48].

Изучение права при деспотичном правлении Николая I могло бы показаться напрасной тратой времени, поскольку император стремился искоренить просветительский идеал всеобщего права и сосредоточиться на особенностях российского законодательства в том виде, в каком оно сложилось на протяжении столетий.

Студентам, по яркому выражению Роберта С. Уортмана, «нужно было изучать “законы”, а не “право” как таковое»; «зубрежка» должна была превратить их в «послушных исполнителей» [Wortman 1976: 45–46]¹². Однако замечательные профессора Московского университета, в частности выдающиеся западники Т. Н. Грановский (1813–1855) и К. К. Кавелин (1818–1885), сумели обойти это предписание, стремясь к созданию правовой системы, которая объединила бы страну посредством гармоничного законодательства и освободила бы народ от мертвого груза традиции [Wortman 1976: 223–224]. Таким образом, если во времена К. А. выходом из бессмысленного лабиринта государственной службы в мир трансцендентных ценностей служил мистицизм, то в более материалистические и рационалистические 1840-е годы аналогичную роль играло право.

По воспоминаниям одного известного выпускника, студенты-правоведы Московского университета не мечтали о служебной карьере, о работе бок о бок с гоголевскими персонажами, но стремились стать профессорами, чтобы, как им казалось, жить в мире, основанном на безупречных началах [Чичерин 1929]¹³. А. В. рано достиг этого идеала, в 1853 году став адъюнктом Ришельевского лицея в Одессе. После того как в 1855 году на престол взошел царь-реформатор Александр II (правил с 1855 по 1881 год), А. В. также воспользовался преимуществами более либеральной атмосферы и начал осваивать еще и профессию журналиста: это были времена, когда пресса обрела новые права и влияние, времена, когда, как писал сам А. В., «все прислушивается к голосу нашей журналистики... она есть единственный орган общественного

¹⁰ По документу «Дело о приеме в число студентов Александра Лохвицкого 1847 года» (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 16. Д. 193) московская исследовательница Тамара Александрова установила, что дед Тэффи Владимир Лохвицкий принадлежал не к потомственному дворянству (как следовало бы сыну К. А.), а к купечеству. Александрова любезно поделилась со мной этой и другими своими находками в серии электронных писем, начиная с первых месяцев 2015 года, и результаты ее разысканий будут отмечаться по ходу изложения материала. Она также привлекла мое внимание к проекту «Семья Тэффи (Лохвицкой Н. А.) в Санкт-Петербурге» (главный архивариус А. Г. Румянцев, декабрь 2015 года). Я получила доступ к этому проекту весной 2017 года (https://spbarchives.ru/cgia_exhibitions/-/asset_publisher/). Данный проект (далее – проект ЦГИА) стал источником части информации о семье Лохвицких.

¹¹ Проводя разыскания в Тихвине, Александрова обнаружила упоминание Иосифа: «Уважаемый тихвинец, он избирался городским головой» (электронное письмо автору, 2 декабря 2015 года). См. также [Александрова 2007: 72–73].

¹² Значительная часть приводимых далее сведений основывается на этом источнике.

¹³ Цит. по: [Wortman 1976: 223].

мнения» [Лохвицкий А. 1859: 22]¹⁴. Таким образом, он, как и его дед, проявил склонность к литературному творчеству, но в более прозаической и прагматической области, соответствовавшей эпохе.

А. В. красноречиво доказывал необходимость заложить «великие основы» независимой правовой системы, которая до того времени не предусматривала ни открытых судебных процессов, ни отдельного сословия адвокатов, а его возвышенное представление о суде присяжных позволяет предположить, что он разделял симпатии К. А. к простому народу:

Эти 12 человек могут быть <...> из самых скромных общественных классов, и пред ними покорно преклоняют голову обвиняемые, принадлежащие к самым верхушкам общества <...>. Такое учреждение, естественно, произведет высокий подъем чувства народного достоинства и народной совести [Лохвицкий А. 1865: 1]¹⁵.

В 1861 году А. В. переехал из Одессы в Санкт-Петербург, где занял кафедру государственного права и истории русского права в Императорском Александровском лицее, первом лицее в России. После переезда были опубликованы его наиболее важные книги, так или иначе связанные с назревающими реформами, и его карьера складывалась успешно. В 1871 году (за год до рождения Тэффи) ему было пожаловано потомственное дворянство¹⁶. В то же время А. В. разделял либеральные представления о том, что реформы открывают путь для индивидуальных достижений: «С учреждением адвокатуры открывается для таланта и знания великая и независимая сфера деятельности» [Лохвицкий А. 1865: 1]. В 1869 году он принял решение испытать свои собственные возможности в частной сфере и сменил преподавание в государственном учебном заведении на адвокатскую практику, пополнив ряды дворян, начавших новую карьеру в либеральных профессиях. В 1874 году он был принят в коллегию адвокатов и стал присяжным поверенным при Московском окружном суде [Невядомский 1884: 48]. Одновременно он все больше погружался в журналистскую деятельность, публикуя бесчисленные статьи в газетах и журналах, адресованных широкой публике, а также редактируя юридическую газету «Судебный вестник» [Невядомский 1884: 48]¹⁷.

¹⁴ См. также [Вертинский 1931: 44].

¹⁵ О «великих основах» см. [Лохвицкий А. 1859: 21].

¹⁶ Проект ЦГИА. Речь идет о книгах А. В.: [Лохвицкий А. 1862–1863; Лохвицкий А. 1864; Лохвицкий А. 1868].

¹⁷ Ряд публикаций А. В. посвящен уголовным романам, лучшим из которых он считал «Преступление и наказание».

Карикатура на отца Тэффи, профессора права Александра Владимировича Лохвицкого, который после судебной реформы императора Александра II (1864) получил скандальную известность как адвокат по уголовным делам. Галерея русских деятелей. № 2. Санкт-Петербург, 1870.

А. В. полагал, что открытые судебные процессы должны иметь не только воспитательные, но и художественные цели, образуя, «с одной стороны, непрерывный ряд публичных и бесплатных лекций уголовного и гражданского права, с другой... театр в его высшем значении, где разыгрываются драмы не актерами, а самими действующими...» [Лохвицкий А. 1865: 1]. Он был совершенно прав, когда отмечал присущую им и привлекающую публику театральность, особенно если учитывать, что процессы широко освещались в прессе и «позволяли читателям

почувствовать себя членами коллегии присяжных» [McReynolds 1991: 41]. Юристы стали знаменитостями, а А. В. превратился в настоящую звезду юриспруденции: слава его была такова, что в 1877 году к нему обратился Ф. М. Достоевский, прося выступить его защитником в суде, но А. В. был слишком занят и отказался¹⁸. Тэффи упоминала о его знаменитом остроумии, которое подтвердил писатель А. В. Амфитеатров: «Его шутки повторялись по всей России, входили в пословицы, и многие до сих пор еще не забыты» [Амфитеатров 1931].

Впрочем, представление А. В. об образовательной ценности публичных судебных процессов оказалось безосновательным, поскольку в России, как и повсеместно, людей привлекали не высокие принципы, а шокирующая сенсационность. Именно крах воспитательной миссии, не сумевшей внушить, что все подсудимые, независимо от того, в чем они подозреваются, имеют право на защиту своих интересов в суде, сделал А. В. весьма неоднозначной фигурой. Его деятельность в зале суда приводила к злобным «личным нападкам, какие часто сыпались на него», достигнув апогея в 1878 году в связи с судебным разбирательством, которое тогда произвело фурор, а потом не забывалось еще на протяжении многих лет [Невядомский 1884: 50]¹⁹. По этому делу проходил студент Н. Элькин, который, обручившись с пожилой госпожой Поповой, выудил у нее 15 000 рублей и документ на передачу ему права собственности на ее дом, после чего не только расторг помолвку, но и выселил Попову из ее же собственного владения [Kucheron 1953: 163–164; Невядомский 1886: 30]²⁰. А. В. удалось добиться оправдания Элькина как в уголовном, так и в гражданском суде, после чего адвокат Поповой подал жалобу, обвинив его в защите аморального человека. Заявление о возбуждении уголовного дела было отклонено, но в результате слушания дела в гражданском суде А. В. был признан виновным и на три месяца отстранен от работы. Позднее Московская судебная палата и вовсе запретила ему заниматься адвокатской практикой, из-за чего в прессе поднялся страшный шум, но год спустя Кассационный департамент Сената оправдал А. В. на том основании, что «критерий индивидуальной нравственности слишком неуловим»²¹. Тем не менее эти нападки, по-видимому, сделали свое дело, и в одном из некрологов А. В. назвали мучеником, который «на своих плечах вынес... независимость и свободу русской адвокатуры» [Невядомский 1884: 52].

Покушение на Александра II, совершенное в 1866 году, вызвало реакцию, направленную против реформаторских начинаний, а после того, как в 1881 году император был убит, его преемник Александр III (правил с 1881 по 1894 год) дал обратный ход многим реформам. Таким образом, пока самодержавие боролось с бунтом против него, мечта Александра Лохвицкого о новом обществе, основанном на единых для всех правовых принципах, как и универсалистский мистицизм К. А., так и оставалась мечтой. Как бы то ни было, после отстранения от адвокатской деятельности известность А. В. пошла на убыль, и незадолго до смерти в 1884 году сатирик В. О. Михневич (1841–1899) назвал его «угасшим светилом на небе отечественной юриспруденции» [Михневич 1884: 131]. Возможно, именно из-за этого угасания А. В. не сумел разбогатеть. Он «оставил после себя многочисленную семью, незначительное недвижимое имение и небольшую сумму на похороны» [Невядомский 1884: 53].

Фон Гойеры

То немного, что известно о матери Тэффи, Варваре фон Гойер, свидетельствует о том, что она происходила из более состоятельной семьи, чем ее муж. Несмотря на немецкую фами-

¹⁸ См. [Достоевский 1986: 330–331]. Положительная рецензия на «Губернию» А. В. появилась в сентябрьском выпуске журнала Достоевского «Эпоха» (1864) [Достоевский 1986: 347].

¹⁹ Подробно о процессе на английском языке см. [Kucheron 1953: 163–168].

²⁰ Далее автор опирается на эти источники.

²¹ Цит. по: [Невядомский 1886: 46].

лию, описания этой семьи в автобиографической прозе Тэффи подразумевают, что ее корни глубоко уходили в прошлое Российской империи. В «Золотом наперстке» рассказчица сообщает, что данная вещица с надписью «À ma petite Nadine» (французский эквивалент имени Надежда) – была подарком, полученным ею в семилетнем возрасте от бабушки [Тэффи 1997–2000, 4: 131] («Золотой наперсток»)²². В свою очередь, бабушка (тоже Nadine), когда ей самой было семь лет, получила этот наперсток от *grandtante* Жолиши, которая была так хороша собой, что во время войны с Наполеоном ее приходилось прятать от наступающего французского императора [Тэффи 1997–2000, 4: 132]. Далее бабушка продолжает рассказ, повествуя о своей замужней жизни и воскрешая в памяти порядки, царившие в старинной дворянской семье:

Зиму семья жила в имении в Витебской губернии. Лето – в Могилевской.
Переезжали целым поездом.
Впереди в карете – бабушка с дедушкой.
Потом в огромном дормезе бабушкина мать... и четыре ее внуки.
Среди них Варетта, твоя мама.
Потом коляска с гувернерами и мальчиками.
Потом коляска с гувернантками и их детьми.
Потом повара и прочая челядь [Тэффи 1997–2000, 4: 133].

Самым выдающимся членом семьи была сестра Варвары Софья Александровна Давыдова (урожденная фон Гойер, 1842–1915), образцовая представительница того поколения дворянок, которые почитали своим долгом просвещать простой народ и способствовать развитию родной русской культуры²³. Известный специалист по кружеву и автор множества публикаций о русском кружевоплетении (в 1885 году одна из них была отмечена наградой митрополита Макария), Давыдова общалась с неимущими и неграмотными мастерицами и благодаря этому с горечью сознавала, до какой степени тяжелой была их жизнь [Новый энциклопедический словарь 1913: 412; Юкина, Гусева 2004: 181–182]²⁴. В 1883 году она основала в Санкт-Петербурге первую школу кружевоплетения, а в 1882–1892 годах – школы прядильщиц, ткачих и вышивальщиц в разных регионах страны. Кроме того, Давыдова занимала посты в Министерстве сельского хозяйства и в Министерстве народного просвещения, а также входила в многочисленные комитеты по содействию образованию бедняков.

Биография Давыдовой позволяет сделать вывод, что в 1850 году фон Гойеры переехали из своего поместья в Могилевской губернии в Одессу, где дети (в том числе, очевидно, и мать Тэффи) получили отличное домашнее образование под руководством «лучших профессоров Ришельевского лицея»²⁵. Должно быть, Александр Лохвицкий, начавший преподавать в Ришельевском лицее в 1853 году, познакомился с Варварой в Одессе, и они, вероятно, поженились до того, как в 1861 году уехали в Санкт-Петербург.

Детство и отрочество

Надежда (то есть Тэффи) родилась в Санкт-Петербурге 16 апреля 1872 года. В семье уже были три дочери – Варвара (р. 1861), Лидия (р. 1864) и Мария (1869–1905) – и два сына,

²² Впервые опубликовано в: Воз. 1930. № 1804. 11 мая. С. 2; затем в [Тэффи 19316].

²³ См. [Юкина, Гусева 2004: 181–182] («Давыдова (Гойер) Софья Александровна»). Выражаю признательность Рошель Рутчайлд, обратившей мое внимание на эту книгу. У Тэффи были родственники по фамилии Давыдовы. См. Тэффи – Бунину. ТБун I. № 53. С. 393; LRA. 1066/2575. Леонид Галич – Бунину.

²⁴ 19 ноября 2015 года деятельность Давыдовой стала темой доклада К. Андреа Раснок на ежегодной конференции Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, проходившей в Филадельфии (Rusnock K. A. Ladies and Lace: Sofia Davydova and the Collecting and Exhibiting of Russian Lace during the Late Imperial Period).

²⁵ URL: <http://nadezhdmorozova.livejournal.com/183222.html> (в настоящее время ссылка недействительна). Благодарю Тамару Александрову, обнаружившую этот веб-сайт.

Вадим (р. 1862) и Николай (1867–1933)²⁶. Через пару лет после Надежды у Лохвицких родился седьмой и последний ребенок, Елена, и две младшие сестры – обычно называемые уменьшительно-ласкательными именами, Надя и Лена – фигурируют в рассказах Тэффи как неразлучные участницы детских приключений и злоключений.

О первых годах своей жизни Тэффи писала: «Детство мое прошло в большой обеспеченной семье. Воспитывали нас по-старинному – всех вместе на один лад». И добавляла: «Ранних жизненных опытов не было. Хорошо это или плохо – теперь судить трудно» [Фидлер 1911: 204]. Учитывая бурную публичную жизнь, которую вел ее отец, можно было бы усомниться в том, что детство Тэффи прошло обыкновенно, без каких-либо ярких событий, однако крайне занятой А. В., возможно, в основном доверил воспитание детей своей супруге. Вместе с тем интеллект и остроумие отца оказали влияние на его весьма выдающихся отпрысков, а его прекрасно образованная жена едва ли отличалась косностью взглядов в вопросе воспитания детей.

Конкретных сведений о детстве и отрочестве Тэффи немного, поскольку она предпочитала не распространяться о своей личной жизни; каких-либо писем, относящихся к ее ранним годам, не найдено, а обнаруженные иные документальные материалы крайне малочисленны. Чтобы сформировать представление о детстве и отрочестве Тэффи, необходимо обратиться к ее литературным и журналистским работам, содержащим автобиографические элементы, и попытаться отбросить явный вымысел, дополнив остальное некоторыми подробностями из других источников. Разумеется, в результате рождается образ детства, традиционного для русского дворянства. Лохвицкие, как это было заведено среди представителей их сословия, проводили осень и зиму в городе, а на весну и лето уезжали в поместье. Несмотря на то что Надежда Лохвицкая родилась в Санкт-Петербурге и в основном ее имя ассоциируется с этим городом, ее первые городские воспоминания связаны с Москвой, куда семья переехала всего через два года после ее рождения, поскольку ее отец занял должность в Московском окружном суде. В ее самом ярком описании детских лет, проведенных в Москве, реальная жизнь сплавляется с тем вымышленным миром, который открылся ей в «прочтенной и десятки раз перечтенной» любимой книге – «Детстве, отрочестве и юности» Л. Н. Толстого [Фидлер 1911: 204]:

Володя, Николенька, Любочка – все они живут вместе со мною, все они так похожи на меня, на моих сестер и братьев. И дом их в Москве у бабушки – это наш московский дом. <...> Наталья Саввишна – я ее тоже хорошо знаю – это наша старуха Авдотья Матвеевна, бывшая бабушкина крепостная. У нее тоже сундук с наклеенными на крышке картинками. <...> И даже бабушка, смотрящая вопросительно строгими глазами из-под рюша своего чепца, и флакон с одеколоном на столике у ее кресла, – это все такое же, все родное. <...> «Детство и отрочество» вошло в мое детство и отрочество и слилось с ним органически, точно я не читала, а просто прожила его²⁷.

В детстве Надя «читала очень много», и в ее московских воспоминаниях также фигурирует еще один любимый автор, Пушкин [Фидлер 1911: 204]. Когда в шесть лет она заболела корью, ей подарили книгу, на которой золотыми буквами было напечатано его имя. Оказалось, что это коробка шоколадных конфет, к которым прилагалось несколько стихотворений Пушкина. Едва съев конфету, Надя прочитала одно из стихотворений, «Птичка», и хотя она не поняла его содержания, слова заворожили ее и она всё повторяла и повторяла их, пока

²⁶ Даты рождения приводятся по «Метрической книге на 1872 год», представленной в проекте ЦГИА. (Метрическая книга – книга регистрации рождений.) Тэффи родилась 9 мая по новому стилю, принятому после большевистской революции. До появления проекта ЦГИА документальных подтверждений существования Вадима не было, хотя в автобиографической прозе Тэффи как минимум дважды упоминает о своем втором брате – лицеисте. См. [Тэффи 1997–2000, 3: 242–243] («Любовь»); Чучело // Воз. 1931. № 2049. 11 янв. С. 2.

²⁷ Мой первый Толстой // ПН. 1920. № 179. 21 нояб. С. 3.

не выучила стихотворение наизусть. Позднее, играя на прогулке у памятника Пушкину, она посмотрела прямо в глаза статуе и прошептала: «Птичка! Стихотворение поэта Пушкина. Ваше стихотворение». После чего продекламировала его²⁸.

В произведениях Тэффи содержится очень мало сведений о ее родителях, а те взрослые, с которыми в основном общались дети, были прислугой. В раннем детстве основная забота о них лежала на старой няне, которая по русскому обычаю приобщала своих подопечных к мудрости (или предрассудкам) простого народа и богатству народного языка. Немного позднее, в возрасте «лет пяти», на смену нянюшке приходила бонна (воспитательница при маленьких детях) Эльвира Карловна, которая «обучала азбуке и начаткам Закона Божия», а когда дети становились постарше, их поручали заботам настоящей гувернантки, как правило, француженки [Тэффи 1997–2000, 2: 223] («Домовой»)²⁹.

С наступлением весны Варвара Лохвицкая увозила детей со всем штатом слуг, гувернанток и домашних учителей из Москвы в свое поместье на Волыни. В рассказах Тэффи описывается идиллическая сельская жизнь, столь знакомая по классической русской литературе. Старшие дети, уже подростки, целиком отдавались характерным для высших слоев общества развлечениям – «пикникам, катаньям верхом, играм, танцам» – и относились к маленьким Наде и Лене как к досадным помехам, которых приходилось отсылать прочь «на самом интересном месте» [Тэффи 1997–2000, 2: 272–273] («Русалка»)³⁰.

Маленькие девочки находили компанию в обществе слуг и других местных жителей Волыни. Эта провинция, ныне являющаяся частью Западной Украины, была весьма экзотическим местом даже для русских. Граничившая с востоком Польши (тогда входившей в состав Российской империи) и Галиции (принадлежавшей Австро-Венгерской империи), она имела смешанное население, состоявшее из украинцев, русских, поляков, немцев и евреев³¹. Соседи-помещики, сплошь поляки, обычно «держались особняком», но дети много общались с представителями более скромных слоев местного общества и впитывали распространенные среди них народные поверья [Тэффи 1997–2000, 2: 236] («Лешачиха»)³². Важную роль в знакомстве их с местными легендами сыграла девочка, в рассказах именуемая Лизой, дочь местного священника, которая приходила учиться и играть с Надей и Леной [Тэффи 1997–2000, 3: 235–239] («Лиза»)³³. Вдохновенная врушка, Лиза рассказывала доверчивым девочкам Лохвицким о своих встречах с дьяволом и другими чудесными существами. Подобные народные поверья произвели глубокое впечатление на Тэффи, и впоследствии она использовала их в качестве сюжетов для некоторых из своих лучших историй.

В 1884 году, после смерти А. В., семья покинула Москву и вернулась в Санкт-Петербург. К этому времени любимым произведением Толстого у Нади стало не «Детство», но «Война и мир», а когда ей было 13 лет, она, потрясенная смертью героя, князя Андрея, даже посетила Толстого, чтобы убедить его изменить окончание романа. Впрочем, ей не хватило смелости, и она отважилась только на то, чтобы попросить великого писателя об автографе³⁴. Это произошло вскоре после того, как Надя поступила в петербургскую Литейную гимназию – женскую

²⁸ Мой первый Пушкин // РС. 1912. № 24. 29 янв. С. 4. Как выяснилось, автором стихотворения был не Пушкин, а его современник Ф. А. Туманский, давший своему сочинению аналогичное название. Через несколько дней после публикации фельетона Тэффи объяснила (весьма неубедительно), что ошибка была допущена намеренно – ей показалось, что «это довольно смешная картина; сидит девочка и убеждает Пушкина, что он написал тумановскую “Птичку”» (Комментарии к анекдоту // РС. 1912. № 28. 4 февр. С. 2).

²⁹ Впервые опубликовано в: Воз. 1931. № 2147. 19 апр. С. 2; № 2154. 26 апр. С. 2; затем в [Тэффи 1936].

³⁰ Впервые опубликовано в: Воз. 1931. № 2126. 29 марта. С. 2; № 2133. 5 апр. С. 2; затем в [Тэффи 1936].

³¹ См. [Брокгауз, Ефрон 1890–1907, 7: 119–125] («Волынская губерния»).

³² Впервые опубликовано в: Воз. 1931. № 2091. 22 февр. С. 2; № 2098. 1 марта. С. 2; № 2105. 8 марта. С. 2; затем в [Тэффи 1936].

³³ Опубликовано в [Тэффи 1927].

³⁴ Мой первый Толстой // ПН. 1920. № 179. 21 нояб. С. 3.

классическую среднюю школу, которую она окончила в 1890 году³⁵. Краткое воспоминание о ней в школьные годы сохранилось в письме, полученном Тэффи в 1929 году от неуставленного лица: «...вспомнил ученицу Литейной гимназии Надю Лохвицкую... так живо, что... мог бы написать на память Ваш портрет... с распущенными волосами, с приподнятой сбоку шляпой, и может быть, сумел бы даже передать Ваше веселое остроумие»³⁶.

В отличие от женских институтов, в которых получали образование старшие сестры Тэффи, в гимназии обучали по строгой академической программе, преподавая ученицам не только светские манеры и домоводство (в чем заключалась первостепенная задача институтов), но и такие сложные академические предметы, как математику, естествознание и общественные науки³⁷. В одном из фельетонов Тэффи говорится, что некая престарелая родственница была в ужасе от подобной учебной программы: «Теперь очень небрежно относятся к воспитанию молодых девиц. Теперь все внимание обращено на образование. Хотят сделать из них ученых женщин. Хотя они сами не могут не понимать, что для девушки из хорошего общества грация гораздо важнее алгебры»³⁸.

Чтобы успокоить старушку, рассказчица уверяет ее, что алгебру она вовсе не любит, и нет сомнений в том, что она недалеко от истины, поскольку дарования сестер Лохвицких были литературными, а не научными. Вероятно, остается только удивляться, что дочери столь прогрессивного отца и племянницы общественной деятельницы Софьи Давыдовой не пополнили ряды юных российских идеалисток, которые во второй половине XIX столетия изучали науки и посвящали себя таким полезным занятиям, как медицина или педагогика. Возможно, одно из объяснений кроется в том, что они формировались как личности в годы репрессивного правления Александра III, когда страну охватил социальный и культурный застой. По воспоминаниям одной из современниц, в эту «эпоху тупой, глухой реакции» «лучший сорт девушек... кинулся так или иначе в искусство... женщине, жаждавшей свободы и самостоятельности, оставалась одна дорога: В искусство!» [Щепкина-Куперник 1928: 151, 152]³⁹. К таким девушкам относились и сестры Лохвицкие.

Этот период был также отмечен протестом против утилитаризма и тенденциозности, столь явно доминировавших в русском искусстве на протяжении предшествовавших десятилетий⁴⁰. Поэты отходили от гражданской тематики и возрождали понятие «чистого искусства», а молодые прозаики – в качестве реакции на основательные, насыщенные идеями романы, преобладавшие в предшествующие десятилетия (породившие, в частности, шедевры Толстого и Достоевского), – обращались к более скромному жанру новеллы [Mirsky 1964: 346; Terras 1991: 383]. Первым среди них был А. П. Чехов (1860–1904), чьи ранние юмористические рассказы с их лаконичностью и непредвзятостью, заразительным юмором и частой ноткой меланхолии оказали огромное влияние на Тэффи.

Сестры Лохвицкие шли в ногу с новейшими веяниями в искусстве. Художник А. Н. Бенуа (1870–1960), бывший тогда подростком, вспоминал, что впервые услышал о Д. С. Мережковском (1865–1941) от «прелестных барышень» Мирры (Марии) и шестнадцатилетней Нади (которые проводили время на даче, располагавшейся рядом с дачей его брата): тогда Мережковский был только начинающим поэтом, но вскоре ему предстояло стать одним из первых

³⁵ Тамара Александрова обнаружила относящуюся к периоду учебы Тэффи в школе запись о ней в гимназической «Именной книге учениц... поступивших с 1882 года». Этот документ, как и аттестат зрелости Тэффи, включен в проект ЦГИА.

³⁶ BAR. Tefif Papers. Неподписанное письмо. Париж. 1929. 4 февр.

³⁷ См. [Bisha et al. 2002: 180–181; 183; 162–164]. Мария (Мирра) Лохвицкая окончила московский Александровский институт в 1888 году. См. [Tomei 1999: 419]. В своих рассказах Тэффи упоминает о том, что другие старшие сестры также обучались в институтах.

³⁸ О честолюбии // Сег. 1935. № 305. 5 нояб. С. 2.

³⁹ Цит. по: [Rosenthal 1996]. Статья Розенталь имела для меня большое значение.

⁴⁰ См. [Mirsky 1964: 333–334].

поборников новых модернистских тенденций в литературе, а затем и автором знаменитых исторических романов, а также религиозным философом [Бенуа 1990, 1: 554, примеч. 3; 2: 47]⁴¹. К тому времени, когда Бенуа познакомился с Миррой и Надей, он сам, исходя из убеждения, что красота способна вызывать духовное преображение, уже создал неформальный клуб, посвященный изучению искусства и поискам путей повышения эстетической культуры в России⁴². Эта цель была достигнута примерно десятилетие спустя, в 1898 году, когда Бенуа и его товарищи основали в высшей степени авторитетный журнал «Мир искусства», а сотрудничавшие с ним художники, в основном придерживавшиеся эстетики, родственной ар-нуво, позаимствовали для себя название этого издания. В «Мире искусства» печатались и некоторые ведущие молодые писатели-модернисты, а его редактор С. П. Дягилев (1871–1929) впоследствии приобрел международную известность как импресарио «Русских сезонов», восхитительные декорации и костюмы для которых были созданы художниками «Мира искусства», прежде всего Бенуа и Л. С. Бакстом (1866–1924).

Ювенилия

Надя начала писать очень рано. Действительно, все дети в семье Лохвицких писали стихи, хотя занятие это считалось у них «почему-то очень постыдным, и, чуть кто поймает брата или сестру с карандашом, тетрадкой и вдохновенным лицом, – немедленно начинает кричать: “Пишет! Пишет!”»⁴³. Такие семейные увлечения принесли плоды, поскольку по крайней мере четыре сестры стали писательницами. Помимо Тэффи, большую известность снискала Мария (публиковавшаяся под псевдонимом Мирра), но сочинения Варвары и Елены также печатались и ставились на театральной сцене⁴⁴. Братья избрали себе совсем иные стези. О Вадиме известно очень мало, но Николай сделал блестящую военную карьеру и в 1917 году, во время Первой мировой войны, возглавил Русский экспедиционный корпус во Франции⁴⁵. Сначала Надя мечтала стать художницей, а не писательницей, но склонность к сатире с ранних лет проявлялась и в ее стихотворениях, и в рисунках⁴⁶. К 13 годам она начала писать и в более серьезном, «официальном» духе, сочинив в школе два стихотворения, «написанных стилем пышной оды», – одно в честь государыни, другое (оно стало ее первым напечатанным стихотворением, вероятно, вышедшим в школьной публикации) – по случаю юбилея гимназии⁴⁷. С первым из этих стихотворений, по-видимому, был связан первый контакт Нади с миром профессиональных литераторов в лице издателя и писателя И. И. Ясинского (1850–1931). Оба оставили несколько отличающиеся друг от друга воспоминания об этой встрече. Тэффи рассказывает, что впервые увидела Ясинского в доме одной из школьных подруг, когда ей было около 14 лет. Она прочитала ему свою гимназическую оду, которую он удостоил снисходительной похвалы, но когда она «прочла что-то очень поэтическое о мечте и звезде», он оживился и даже предложил опубликовать это стихотворение.

⁴¹ Бенуа пишет, что это было в 1890 году, но Надежде исполнилось 16 лет в 1888 году – тогда же, когда вышел первый поэтический сборник Мережковского. См. также [Kalb et al. 2004: 307–318].

⁴² См. [Gray 1986: 37–64; Бунатян, Чарная 2002: 8–28].

⁴³ Чучело // Воз. 1931. № 2049. 11 янв. С. 2. Несколько сокращенный вариант под названием «Первое посещение редакции» было опубликовано в: Сег. 1929. № 270. 29 сент. См. также: Как я стала писательницей // ИР. 1934. 8 дек. С. 8.

⁴⁴ Варвара под псевдонимом Мюргит (заимствованным из названия одного из стихотворений Мирры) писала очерки для газеты «Новое время» и одноактные пьесы. Елена также сочиняла миниатюры для театра, пользуясь псевдонимом Элио. Вместе с Тэффи она перевела с французского два прозаических сочинения и пьесу [Мопассан 1911; Ленотр 1912; Ривуар 1915]. О постановке пьесы см. главу пятую.

⁴⁵ Тамара Александрова установила, что одно время Вадим служил чиновником при генерал-губернаторе Туркменистана. Информация о Николае приводится по: [Чичерюкин-Мейнгардт 2003].

⁴⁶ См. [Фидлер 1911: 204].

⁴⁷ Чучело // Воз. 1931. № 2049. 11 янв. С. 2.

Сестра Тэффи Мирра Лохвицкая. На рубеже XIX–XX веков прославилась как «русская Сафо» благодаря своим стихам, воспевавшим женскую чувственность.

Брат Тэффи генерал Николай Лохвицкий, командующий Русским экспедиционным корпусом во Франции в период Первой мировой войны, впоследствии – видный деятель эмиграции, монархист. Новое время (Санкт-Петербург). 1916. 30 июля. С. 8.

Однако она отказалась, объяснив, что ее «сестра поэтесса, а печататься всей семьей выйдет очень смешно»⁴⁸. Ясинский вспоминает, что был дома, когда к нему пришли две гимназистки. «“Мы Лохвицкие”, – начала старшая. “И поэтессы”, – пояснила младшая». Стихотворения обеих произвели на него впечатление, но 13-летняя Елена сообщила, что их старшая сестра Мирра сочиняет стихи гораздо лучше и поэтому они решили: «...только когда она станет уже знаменитой и, наконец, умрет, мы будем иметь право начать печатать свои произведения» [Ясинский 1926: 258–259]. Вскоре нанесла визит Ясинскому и Мирра. До этого она в сопровождении Нади и няни носила некоторые из своих стихотворений в редакцию журнала «Север»⁴⁹. Мирра пожаловалась Ясинскому, что редакция отказалась публиковать ее стихи, и попросила сравнить ее сочинения с сочинениями сестер. Он вынужден был признать ее пре-

⁴⁸ Василиск // Воз. 1931. № 2056. 18 янв. С. 2.

⁴⁹ Чучело // Воз. 1931. № 2049. 11 янв. С. 2.

восходство, вспоминая, что ее «стихи сверкали, отшлифованные, как драгоценные камни, и звонкие, как золотые колокольчики», но предупредил, что их эротическое содержание станет препятствием для публикации. И все же в 1889 году стихи Мирры начали появляться в «Севере» и быстро стали сенсацией.

Между тем Надя не полностью сдержала обещание подчинить собственные литературные амбиции сестринским. Когда ей было 16 или 17 лет, то есть в 1888 или 1889 году, она принесла в «Осколки», самый популярный в те времена юмористический журнал, забавное стихотворение «Песенка Маргариты» – пародию на песню «Фульский король» из «Фауста» Гёте. Редактор, знаменитый юморист Н. А. Лейкин (1841–1906), кряжистый, кривоплечий, уставившийся на нее мрачным взором косящих глаз, показался ей злобещей фигурой. Ее страх оказался оправданным, поскольку месяц спустя она получила от него отрицательный вердикт: «“Песенка Маргариты” никуда не годится». Как пишет Тэффи, впоследствии она опубликовала это стихотворение не менее четырех раз – «исключительно для тайного торжества над сердитым редактором»⁵⁰.

Впрочем, на этом в ее литературной карьере наступил перерыв, так как в 1892 году для нее началась новая жизнь – она стала женой и матерью.

Замужество и материнство

Скорее всего, знакомство Надежды с будущим мужем, юристом польского происхождения Владиславом Бучинским, состоялось в Тихвине, где тот служил судебным исследователем, а она часто бывала летом в имении своего дяди. Бучинский, потомок древнего благородного дворянского рода из Могилевской губернии, получил образование в элитном Императорском училище правоведения, и в 1886 году был назначен на должность в Тихвине⁵¹. Они поженились 12 января 1892 года в Тихвине, и там же в следующем ноябре на свет появилась и была крещена их первая дочь Валерия⁵².

Судя по произведениям Тэффи, молодая чета вскоре переехала, так как описания тоскливого отдаленного городка, где служил муж, не соответствуют Тихвину, с которым ее связывали детские воспоминания и семейные узы:

Жили мы... тогда в маленьком степном городке, где муж служил мировым судьей.

И скучное же было место этот самый городишка! Летом пыль, зимой снегу наметет выше уличных фонарей, весной и осенью такая грязь, что на соборной площади тройка чуть не утонула, веревками лошадей вытягивали [Тэффи 1997–2000, 2: 198] («Ведьма»)⁵³.

Возможно, городок, о котором идет речь, – это Щигры в Курской губернии, где в 1894 году у них родилась вторая дочь, Елена⁵⁴. В любом случае, к 1895 году семья обосновалась в Рыках, имении Бучинского, расположенном в Могилевской губернии, где, если, опять-таки,

⁵⁰ Чучело // Воз. 1931. № 2049. 11 янв. С. 2. В «Как я стала писательницей» представлена другая версия, согласно которой Надя написала это стихотворение с Леной, а в редакцию они отправились вместе. Об одной, по-видимому, из его публикаций см.: Песнь о Фульском короле (На современный лад) // Бирж. 1903. № 319. 30 июня, веч. вып. С. 4.

⁵¹ Тамара Александрова обнаружила эти сведения в «Алфавитном списке дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Могилевской губернии». Приведенные далее подробности о жизни Тэффи в Тихвине также заимствованы у Александровой, получившей доступ к метрической книге Спасо-Преображенского собора.

⁵² Сведения получены от Тамары Александровой. Конкретная дата рождения Валерии устанавливается на основании интервью, взятого Элизабет Нитраур у Яна Фрайлинга и дополненного информацией, предоставленной Гуаной Сокольниковой. См. [Neatroug 1972: 9].

⁵³ Впервые опубликовано в: Воз. 1931. № 2070. 1 февр. С. 2; № 2077. 8 февр. С. 2; затем в [Тэффи 1936].

⁵⁴ См. [Dabrowski 1973: 73] («Helena Buczyńska»).

делать выводы по произведениям Тэффи, жизнь стала еще более тоскливой. В трех опубликованных в 1930-е годы автобиографических рассказах, объединенных одинаковыми именами супружеской четы, Стани и Ильки, муж, который в период ухаживания казался «светским, нарядным», теперь стал «скучный, сонный, на вопросы не отвечает, курит и шлепает пасьянсы» [Тэффи 1997–2000, 2: 363] («Волчья ночь»)⁵⁵. В описаниях Стани постоянно встречаются прилагательные «скучный», «злой», он «бранится», а его строгое морализаторство настолько далеко от истинной морали, что воспринимается Илькой чуть ли не как проявление демонического: «Покропить бы их [Станию и его отца] святой водой, отчитать молитвами. Они бы грохнулись об пол, изо рта пошел бы черный дым» [Тэффи 1997–2000, 4: 218–219] («Чудеса!»). Конфликт между супругами достигает такой остроты, что выведенный из себя Станя заявляет Ильке: «Поезжай, сделай милость, к своей умнице-маменьке, которая сумела сделать из тебя истеричку» [Тэффи 1997–2000, 2: 366] («Волчья ночь»).

В реальности Надежда поступила именно так: около 1898 года, оставив мужа и детей, она вернулась в Санкт-Петербург, где для нее началась новая жизнь, жизнь писательницы. То, что она бросила маленьких дочерей, обескураживает, но, возможно, становится более понятным в свете тогдашнего семейного законодательства, которое предоставляло отцам исключительное право опеки над малолетними детьми [Hutton 2001: 30]. Однако существование третьего ребенка, совсем еще младенца Янека, еще больше осложняет оценку нравственной стороны принятого ею решения. Тэффи никогда не упоминала о сыне, а когда близкий друг ее дочери Валерии Ян Фрайлинг впервые рассказал о нем ныне покойной исследовательнице творчества Тэффи Элизабет Нитраур, эта информация была встречена с большим недоверием [Neatrou 1972: 9, 11]. Впрочем, некоторые автобиографические рассказы Елены Бучинской, опубликованные в польских газетах 1930-х годов, подтверждают воспоминания Фрайлинга⁵⁶. Самое показательное произведение, «Сентиментальная история», начинается с рассказа о двух маленьких девочках, Зу и Бубе, сидящих в темном, пустом доме во время метели, ожидая приезда матери, которую едва помнят. Описанная атмосфера совпадает с тем, как изображен мрачный дом Бучинских у Тэффи: «Дом пуст. На самом деле, в нем живут их отец, тетя, Зу, Буба и их маленький брат; и еще в нем много прислуги. Но дом все же пуст, дом мертв, словно его покинула душа».

Мрачный образ отца, нарисованный повествовательницей, как и его склонность к раскладыванию пасьянсов, также соответствует беллетризированным портретам у Тэффи: «Дети боятся отца. <...> Он спускается к обеду, затем раскладывает на столе пасьянс, по большей части не доводя его до конца; внезапно сметает карты в кучу, поднимается из-за стола натужным, усталым движением, и поднимается вверх». Дети знают, что не должны говорить о матери, но тетя Зося рассказывает им, что она присутствовала при том, как приехала их матушка и как, «когда их братику было месяца два, мама уехала. <...> Уехала в большой город и писала сказки для взрослых, и ей за них платили много-много денег»⁵⁷.

После вечернего чая следует наиболее подробное описание брата: «Вдруг их маленький братик встает, раскидывает руки и начинает кружиться (это его любимая забава). Его светлые кудряшки разлетаются по щекам, и он так забавно переваливается с ноги на ногу. Зу и Буба тоже встают. И они кружатся и кружатся, словно заведенные волчки». Дети отправляются

⁵⁵ Впервые опубликовано в: Воз. 1934. № 3141. 7 янв.; затем в [Тэффи 1936]. Два других рассказа: Чудеса! [Тэффи 1997–2000, 4: 218–222] (впервые опубликовано в: Воз. 1935. № 3756. 15 сент. С. 2; затем в [Тэффи 1938]); Фея Карабос [Тэффи 1997–2000, 7: 32–37] (впервые опубликовано в: ПН. 1938. № 6238. 24 апр. С. 2; затем в [Тэффи 1946]).

⁵⁶ Вырезки рассказов хранятся в: BAR. Tefif Papers. Helena Buczyńska. «Sentymentalna historia», «Jahor», «Jedno zdarzenie», «Kołym», «Wielka nos». Известно место и время публикации только последнего рассказа: Gazeta polska. 1931. 4 Apr. P. 5. Наверху написано карандашом сокращенное слово «Autobiogr.».

⁵⁷ По данным Тамары Александровой, Ян (или Янек) родился 5 сентября 1896 года. См. недавно опубликованную статью [Александрова 2019: 293–294].

спать, но среди ночи просыпаются, разбуженные приездом матери. Буба «вцепляется во что-то милое, мягкое, душистое», а когда чувствует, что лицо матери залито слезами, говорит ей: «Не плачьте, мама. Я куплю вам денег»⁵⁸. Действие рассказа доводится до нынешнего дня. Выросшие Зу и Буба мало изменились, но «маленького братца больше нет – его похоронили под липой. <...> Дома тоже больше нет. Пришли люди, сожгли дом дотла, разорили сад, уничтожили обсаженные деревьями дорожки, все перепахали и засеяли золотистой пшеницей».

В другом рассказе, озаглавленном «Яхор», прямо говорится, что брата «больше нет», потому что он ушел «на войну – с которой ему не суждено было вернуться». Тэффи перевела «Сентиментальную историю» и опубликовала ее под названием «Старый дом» – под своим именем и с посвящением Елене [Тэффи 1997–2000, 6: 85–90]⁵⁹. Однако в ее версии были исключены все упоминания о маленьком братике, а также выдающее ее сообщение о том, что мать писала популярные рассказы; возможно, это свидетельствует о чувстве вины, которое испытывала Тэффи, бросив крошку сына. Вопрос о ее отношениях с Янеком еще более осложнился после того, как Тамара Александрова установила, что с 1911 по 1916 год Янек проживал в том же городе, что и мать, обучаясь в знаменитой школе Карла Мая, которая славилась множеством выдающихся выпускников и тем, что в ней учились по двум программам – классической гимназии и реального училища. Янек, сначала поступивший на гимназическое отделение, позднее перешел на другое и, очевидно, после того как началась мировая война, посещал медицинские (санитарные) занятия. В 1916 году он оставил школу, не получив аттестат зрелости, и, по всей видимости, пошел в армию. Сведения о том, каковы были отношения между Тэффи и ее сыном в период его пребывания в Санкт-Петербурге, отсутствуют (сама она никогда не упоминает о нем), но, должно быть, этот позднейший контакт сделал ее страдания по поводу его смерти – а возможно, и из-за чувства невыполненного материнского долга – еще более глубокими.

То, что Тэффи так и не смогла полностью избавиться от чувства вины перед своими детьми, становится ясно из письма, которое она написала Валерии почти 50 лет спустя, когда уже давно установила очень близкие отношения с дочерьми. В нем она признавала, что была «мать плохая», но, как бы оправдываясь, добавляла: «По существу хорошая, но обстоятельства выгнали меня из дома, где, оставаясь, я бы погибла»⁶⁰.

⁵⁸ В рассказе Тэффи «Валя» эту фразу произносит ее маленькая дочь.

⁵⁹ Впервые опубликовано в: ПН. 1938. № 6131. 7 янв. С. 3.

⁶⁰ BAR. Tefif Papers. Тэффи – Валерии Грабовской. 1947. 6 нояб.

2. Начало литературной деятельности (1898–1908)

У нас нет никаких конкретных сведений о том, что именно побудило Надежду бросить мужа и детей. Однако существует беллетризованная версия, изложенная в пользовавшемся большой известностью романе А. А. Вербицкой (1861–1928) «Ключи счастья», и в ней могут содержаться крупинки истины⁶¹. Героиня, о которой идет речь, Дора, пишущая популярные фельетоны под псевдонимом Дэзи, признается, что разочаровалась в жизни в результате «несчастливого брака... несчастной любви... разрыва с мужем... постыдного развода». Она говорит, что «ушла от мужа... к другому... <...> Но он оказался ничтожеством... даже ниже мужа...» Она «жила с ним открыто, как жена» и «для него бросила детей». Другой человек, доктор-еврей, оказавшийся достойным ее любви, заставил ее осознать постыдность положения, в котором она оказалась, и уговорил ее уйти, «хоть в горничные, только чтоб на своих ногах стоять!...» Героиня пыталась покончить с собой, но доктор позаботился о ней, и она поправилась. Но затем, «месяц спустя... он умер», после чего она ушла от своего любовника и приехала в Петербург [Вербицкая 1915: 206–209].

Несмотря на откровенно скандальный характер истории, рассказанной Вербицкой, нельзя исключать возможность того, что к бегству Тэффи был причастен другой мужчина. В ряде ее произведений изображаются женщины, томящиеся в провинции во власти мужей-тиранов, а в двух случаях возможность сбежать от них связывается с мужчинами, которым, как выясняется, не стоило доверять⁶². То обстоятельство, что единственным основанием для развода с женой в России конца XIX века была совершенная ею супружеская измена, придает версии Вербицкой еще большее правдоподобие [Hutton 2001: 30]. Более того, описание реакции семьи Дэзи на ее возвращение в Санкт-Петербург вполне может соответствовать ситуации, в которой оказалась Надежда. Дэзи утверждает: «...она [кузина] и вся родня моя встретили меня как врага. Они не могли мне простить моего развода...» [Вербицкая 1915: 210]. Семья Дэзи отказывается принять ее обратно, и хотя мы не знаем, столкнулась ли Тэффи с такой же враждебностью родных, в воспоминаниях одной из ее современниц отмечается, что в начале своего творческого пути она жила в убогой обстановке:

Она жила где-то на Лиговке, в более чем скромных меблированных комнатах «у чухонки». В ее комнатухе стоял диван, из которого вылезали конский волос и мочала, на столе шипел плохо вычищенный самовар и лежали в бумаге сыр, масло и колбаса – по-студенчески. Сама хозяйка в красном бумазейном капоте, с короткими рукавами, открывавшими очень красивые руки, полулежала на диване, а у ног ее в позе Гамлета лежал влюбленный в нее молодой критик [Щепкина-Куперник 1959: 280].

В начале литературной деятельности ей также пришлось бороться, тем более что она относилась к независимым женщинам-писательницам, в конце XIX века ставшим весьма многочисленными и зачастую прозябавшим в большой нужде⁶³.

Кроме того, за десять лет, минувших после отъезда Надежды, литературный мир Санкт-Петербурга претерпел разительные изменения. Робкий эстетизм 1880-х годов сменился творческим подъемом в искусствах, ознаменовавшим начало эпохи, которую позднее назовут

⁶¹ Выражаю признательность Шарлотте Розенталь за эти сведения.

⁶² См. [Тэффи 1990б: 117–126] («Забытый путь»; впервые опубликовано в: Звезда. 1903. № 39. 7 мая; затем в [Тэффи 1910б]). См. также [Тэффи 1916б].

⁶³ См. [Rosenthal 1996: 129–130; Mikhailova 1996: 142].

Серебряным веком и которая продлится примерно четверть столетия⁶⁴. Молодые поэты 1890-х годов, под влиянием европейского (в первую очередь французского) модернизма именовавшие себя символистами, отвергали меркантильное, буржуазное общество и утверждавшуюся им эстетику реализма и в протесте против нее пускались на поиски трансцендентных духовных ценностей, которые, по их мнению, постигаются не рационально, но интуитивно, посредством символов и переноса акцента на могущество звука и ритма, зачастую – в ущерб смыслу. Русскому символизму 1890-х годов было присуще декадентство – симптом тоски конца века, также позаимствованный у французов (эти термины фактически использовались как синонимы). Декаденты концентрировались на мрачных, трагических сторонах бытия, от заурядности и уродства современного общества до ужасов, таящихся в мире природы, и демонических сил, управляющих вселенной. Пытаясь противостоять этим ужасам, они предавались культу собственного «я», превращая свою жизнь в произведение искусства. В некоторых случаях это выражалось в прославлении в творчестве (и в жизни) безудержного гедонизма, стремления к наслаждениям, к каким бы последствиям оно ни приводило.

Одни восторгались поэзией символистов/декадентов, но у других ее зачастую непроницаемая туманность и шокирующее содержание становились объектами насмешек. В ранних сатирических произведениях Тэффи такое насмешливое отношение проявляется со всей очевидностью, хотя использование символов и изысканная звуковая инструментовка в ее серьезных стихотворениях свидетельствуют о том, что и она испытала на себе влияние декадентов. Прежде всего глубокое и стойкое воздействие на нее оказал характерный для символистов дуализм – стремление к трансцендентной реальности, выходящей за рамки абсурда повседневной жизни.

* * *

Перемены, произошедшие в русской литературе за то время, пока Тэффи не было в Санкт-Петербурге, затронули и ее родных, поскольку Мирра Лохвицкая стала знаменитой поэтессой, тесно связанной с символистами и декадентами. Еще в конце 1880-х годов она поражала читателей экстатическими пеанами во славу женской чувственности, яркостью колорита, картинами экзотических и фантастических миров. Едва покинув школьную скамью, благовоспитанная юная петербургская дама стала отождествляться с Сафо из своего раннего стихотворения:

Темноокая, дивная, сладостно-стройная,
Вдохновений и песен бессмертных полна...

[Лохвицкая 1896: 177] («Сафо»).

Несмотря на то что «экстатические клики» Мирры не слишком хорошо выдержали испытание временем, тогда она не только пользовалась большой популярностью, но и получила официальное признание: ее первый сборник, опубликованный в 1896 году, был отмечен Пушкинской премией, присуждавшейся Академией наук [Александрова 2007: 113]⁶⁵.

Современники отмечали, что в реальной жизни Мирра совсем не походила на тот образ, который создала себе в поэзии: она «писала смелые эротические стихи... и была самой целомудренной замужней дамой в Петербурге» [Ясинский 1926: 260]. Впрочем, ее целомудрие оказалось под вопросом, когда в конце 1890-х годов она пережила страстный роман с невероятно

⁶⁴ Более подробно см. [Kalb et al. 2004: xv – xxv; Terras 1985: 460–464, 494].

⁶⁵ Выражение «экстатические клики» заимствовано из [Бялый 1964: 89].

популярным поэтом-символистом К. Д. Бальмонтом (1867–1942)⁶⁶. Надежда впервые встрети-
лась с Бальмонтом у Мирры, когда «Россия была именно влюблена в Бальмонта. <...> Его
читали, декламировали, и пели с эстрады, его имя уже гремело по всей Руси» [Тэффи 2004:
233] («Бальмонт»)⁶⁷. Поэт, писала она, был склонен к флирту:

- Si blonde, si gaie, si femme, – приветствовал он меня.
- А вы si monsieur ⁶⁸, – сказала сестра [Тэффи 2004: 237].

Скоро и сама Надежда предприняла шаги с целью добиться для себя литературного
успеха, восстановив старое знакомство с И. И. Ясинским. Тот вспоминал: «Вскоре Надежда
Лохвицкая как-то быстро выросла, стала франтихой, вышла замуж, стала носить другую фами-
лию. <...>...она приехала ко мне, напомнила о детских визитах своих и объявила, что собира-
ется, наконец, печатать стихи свои и юмористические очерки...» [Ясинский 1926: 259]. Леонид
Галич вспоминает ее «первый дебют...», еще задолго до ее профессионального писательства, в
большой и людной гостиной И. И. Ясинского на Черной Речке. <...> Тэффи пела под гитару
свои первые шансонетки про трех инженеров и цемент-батон, про красные башмачки, и т. д.»⁶⁹

Ясинский не хотел публиковать Надежду, поскольку Мирра возражала против появления
в печати произведений еще одной Лохвицкой. «...Я не мог бы принять произведения, подпи-
санного известною фамилией... – писал он Мирре в июле 1901 года. – Надежда Александровна
была у меня и читала свое произведение, но я не предлагал ей печататься...»⁷⁰ Только в 1902
году, когда Надежда начала подписывать свои стихи фамилией по мужу, он все-таки опубли-
ковал «Четырех инженеров» (Галич перепутал их количество), а на следующий год – еще два
ее стихотворения⁷¹.

По-видимому, в начале пути ее больше поддерживала З. Ю. Яковлева, тоже писатель-
ница, ныне забытая, но тогда довольно известная. «Милая старая писательница», как назы-
вала ее Тэффи, «всегда кому-то покровительствовала, кого-то знакомила с нужным челове-
ком, помогала советами и протекцией» [Тэффи 2004: 203] («Алексей Толстой»)⁷². Именно у
Яковлевой она познакомилась с некоторыми выдающимися литературными и театральными
деятелями, в том числе и с блестящим драматургом, режиссером и теоретиком драмы Н. Н.
Евреиновым (1879–1953), с которым у нее установились прочные отношения. У Яковлевой же
в декабре 1903 года она впервые встретилась с графом А. Н. Толстым. Бывший тогда «рослым,
плотным студентом» с «лицом добродушным», он сочинял символистские стихи, а впослед-
ствии стал очень известным прозаиком [Тэффи 2004: 204]. Тэффи и Толстой очень подружи-
лись в начальный период эмиграции, до его возвращения в Советский Союз.

Возможно, Яковлева в определенной степени поспособствовала первой публикации сти-
хотворения Надежды в журнале «Север», состоявшейся в августе 1901 года: она сама печата-
лась в этом издании (и в нем же дебютировала Мирра)⁷³. Знакомые отправили стихотворение в
редакцию за подписью «Н. Лохвицкая» без ее ведома. По словам Тэффи, это были «скверные
стихи» и она «надеялась, что никто не прочтет» [Фидлер 1911: 205].

⁶⁶ См. [Kalb et al. 2004: 57] (Bird R. Konstantin Dmitrievich Bal'mont).

⁶⁷ Впервые опубликовано в: НРС. 1948. № 13821. 5 сент. С. 2. Встреча, по-видимому, состоялась в 1900 году. См. [Алек-
сандрова 2007: 195].

⁶⁸ «Такая белокурая, такая веселая, такая женственная»; «такой галантный» (*фр.*).

⁶⁹ Галич Л. Страстоцвет // Руль. 1923. № 745. 15 мая. С. 2–3.

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 486. № 69. Цит. по: [Александрова 2007: 50].

⁷¹ Бучинская Н. Четыре инженера // Почтальон. 1902. № 10. С. 637–638; Волшебный сон // Почтальон. 1903. № 1. Янв.
С. 3; Шансонетка // Беседа. 1903. № 7. Июль. С. 340. (В 1903 году «Почтальон» был переименован в «Беседу»; редактором
по-прежнему остался Ясинский.)

⁷² Впервые опубликовано в: НРС. 1948. № 13344. 7 нояб. С. 2.

⁷³ См. [Брокгауз, Ефрон 1890–1907, 41а: 607] («Яковлева, Зоя Юлиановна»).

Первые сочинения

Однажды Тэффи заметила: «Я родилась в Петербурге весной, а как известно, наша петербургская весна переменчива: то сияет солнце, то идет дождь. Поэтому и у меня, как на фронте древнего греческого театра, два лица: смеющееся и плачущее»⁷⁴. Эти «два лица» глядели на читателей уже со страниц самых ранних произведений Надежды. Плачущее возникло в ее первом стихотворении, опубликованном в «Севере», и в двух других серьезных стихотворениях, увидевших свет осенью 1901 года в петербургском журнале «Звезда». В самом конце года в той же «Звезде» писательница открыла свое «смеющееся лицо», вместе с которым миру был явлен псевдоним «Тэффи»⁷⁵. В 1902 году в «Звезде» публиковались ее сатирические произведения, почти полностью вытеснившие ее лирические стихи, но в 1903 году в этом журнале начали преобладать ее серьезные стихотворения, возможно потому, что написанные ею сатиры стали печататься в популярной петербургской газете «Биржевые ведомости».

⁷⁴ Цит. по: Верещагин В. Тэффи // РМ. 1968. 21 нояб. С. 8.

⁷⁵ Новый год у писателей // Звезда. 1901. № 52. 29 дек. С. 14–16; 18. Этот псевдоним также использовался двумя неделями ранее при публикации стихотворения «Покаянный день» // ТИ. 1901. № 51. 16 дек. С. 955.

Фотография Тэффи, сделанная в начале XX века. Фотограф Д. Здобнов

В этот ранний период литературной деятельности Тэффи подписывала серьезные произведения своим настоящим именем (после 1901 года она использовала фамилию по мужу, Бучинская, – возможно, из-за протеста Мирры), а сатирико-юмористические – псевдонимом. Происхождение ее литературного псевдонима точно не установлено, а те комментарии, которые впоследствии давала Тэффи, отнюдь не прояснили картину. Она вспоминала, что использовала его для своей первой пьесы, «Женский вопрос». Поскольку дуракам всегда везет, она утверждала, что остановила свой выбор на имени известного ей дурня по имени Степан, которого родные называли Стэффи (отбросив первую букву, чтобы этот самый дурак не догадался). Преимущество такого имени заключалось в том, что оно могло принадлежать как мужчине, так и женщине, и Тэффи считала, что малодушно «прятаться за мужской псевдоним» – обычная для того времени практика среди женщин, не хотевших, чтобы на восприятие их произведений накладывался стереотип дамы-писательницы⁷⁶. Когда пьеса стала хитом, она постеснялась раскрыть происхождение псевдонима и с готовностью поддержала репортера, предположившего, что он был позаимствован у Киплинга. Единственная проблема с этой версией заключается в том, что «Женский вопрос» был написан в 1907 году, почти через шесть лет после того, как Тэффи впервые воспользовалась своим псевдонимом. Его наиболее вероятными источниками могли стать две истории из «Сказок просто так» Киплинга, повествующие о том, как шустрая, озорная первобытная девочка по имени Таффи изобрела алфавит и написала первое письмо [Kipling 1970: 116–151] («How the First Letter Was Written»; «How the Alphabet Was Made»). Впрочем, с этим тоже есть проблема, поскольку «Сказки просто так» были опубликованы только в 1902 году – через год после того, как появился псевдоним Тэффи⁷⁷. Так что в итоге источником псевдонима мог все-таки оказаться именно дурень Стэффи.

Плачущее лицо

Первые серьезные стихотворения Тэффи весьма заурядны и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания. В них практически не чувствуется влияния поэтических экспериментов модернистов, скорее они напоминают меланхолическую, но стилистически традиционную поэзию 1880-х годов. То, что некоторые из них были написаны как тексты для песен (вскоре вошедших в репертуар знаменитых певцов⁷⁸), усиливает оттенок театральности, дистанцирующий лирического героя от автора. Тем не менее они позволяют понять настроення Тэффи в этот мучительный период перехода от обыденной, пусть и несчастливой, жизни жены и матери на менее надежную стезю одинокой женщины, стремящейся сделать писательскую карьеру.

В первом же ее напечатанном стихотворении «Мне снился сон, безумный и прекрасный...» отразилось желание поэтессы избавиться от оков брака и зажечь свободной, хотя и трудной жизнью: «...жизнь звала... к труду, к свободе и к борьбе»⁷⁹. Однако во второй (и последней) строфе она пробуждается тоскливым осенним днем и – используя конвенциональную ассоциацию осени с увяданием и упадком – выражает свой страх по поводу того, «что

⁷⁶ Псевдоним // Воз. 1931. 20 дек. С. 2. О псевдонимах см. [Rosenthal 1996: 131].

⁷⁷ В вышеупомянутом издании эти два рассказа датируются 1901 годом, но очевидно, что в книжном варианте они появились только в 1902 году. В любом случае, маловероятно, чтобы Тэффи столь быстро познакомилась с этими рассказами, особенно если учесть, что она плохо владела английским языком.

⁷⁸ Песня «Догадайтесь сами. Цыганский романс», написанная Н. Zubовым на стихи «Лохвицкой-Бучинской», была напечатана в «Цыганской жизни: излюбленных романсах и песнях репертуара А. Д. Вяльцевой, Н. И. Тамары, В. Паниной, Н. Г. Северского и др.» (СПб., 1902) уже 1902 году.

⁷⁹ Мне снился сон // Север. 1901. № 35. С. 1101.

жизнь прошла и что мечтать смешно!» (В конце концов, в 1901 году Тэффи было уже 29 лет!) Последнее слово стихотворения («смешно») является ранним указанием на страдания, которые часто скрываются за юмором Тэффи.

Опубликованный на пару месяцев позднее «Вампир» является данью демонизму и весьма мрачному стилю декадентов, но за этой стилизацией скрывается намек на мучительные отношения поэтессы с мужем. Бледная, страдающая повествовательница рассказывает о том, как ночью к ней приходит «кровожадный вампир». У него «дорогое лицо», его глаза сулят «блаженство без мер, без границ, без конца», но он пьет ее кровь. В заключение она сообщает, что вампир погубит ее: «...мои силы и жизнь унесет...»⁸⁰

В стихотворениях, опубликованных в «Звезде» в 1903 году, Тэффи воспроизводит ту же скорбную тональность и традиционные мотивы – противопоставления мечты и реальности, весны и осени, любви и смерти. Теперь ей уже перевалило за 30, и она продолжает оплакивать свое вступление в «осень жизни»⁸¹. По-прежнему не избавившаяся от страданий по поводу своего несчастливого брака, она заявляет: «Я не хочу любви. Я вся полна тоскою»⁸². Однако к концу 1903 года эта подавленность исчезает, что, возможно, связано с переменами в личной жизни поэтессы. В «Осеннем признании» – первом серьезном стихотворении, подписанном «Тэффи», – обычно ассоциирующееся с этим временем года мрачное настроение приписывается поэтессой мужчине, к которому она обращается. Это он сожалеет об угасании их любви, тогда как она восклицает: «Тебя целую и смеюсь!» Доминирующая роль женщины со всей очевидностью проявляется в финале стихотворения:

И верю я: – вернется лето <...>
Опять лучом любви согрето,
Я буду счастлива... с другом!⁸³

Проявленная Тэффи внезапная уверенность в себе, возможно, объясняется ее романом с Л. Е. Галичем (псевдоним Габриловича, 1878 или 1879–1953), который завязался примерно в это время и продолжался до 1914 года⁸⁴. Галич отличался необычайной широтой интересов и образованностью. Выпускник физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, он в разное время преподавал в Томском и Санкт-Петербургском университетах, писал научные работы по философии (как на русском, так и на немецком языках). Он также занимался прикладной математикой и физикой, был успешным изобретателем⁸⁵.

Его журналистская карьера началась в тот момент, когда он, нуждающийся 17-летний студент, предложил популярной петербургской газете опубликовать его сатирическое стихотворение⁸⁶.

В дальнейшем он писал статьи по широкому кругу политических, литературных, театральных и философских вопросов для ряда известных газет и журналов. Считается, что он был «одним из создателей в дореволюционной России политического фельетона, жанра, имеющего большой успех у читателей»⁸⁷

⁸⁰ Вампир // Звезда. 1901. № 41. 13 окт. С. 18.

⁸¹ Осень жизни // Звезда. 1903. № 73. 10 сент. С. 1190.

⁸² Не подходи ко мне!.. // Звезда. 1903. № 15. 19 февр. С. 242.

⁸³ Осеннее признание // Звезда. 1903. № 83. 16 окт. С. 1352.

⁸⁴ Письма Галича к Ивану Бунину конца 1940-х – начала 1950-х годов указывают на то, что они с Тэффи были близки в начале 1900-х годов. См.: LRA. 1066/2556. Galich to Bunin. 1947. 8 July; LRA. 1066/2659. 1951. 12 May.

⁸⁵ См. [Магомедова 1989].

⁸⁶ Галич Л. Мой газетный дебют (Петербург на пороге 20 века) // НПС. 1946. № 12467. 16 июня. С. 3, 8.

⁸⁷ Скончался Леонид Галич // НПС. 1953. 13 сент. С. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.